

Александра Беликова

Финский язык в Карелии в 20–30-е годы XX века: попытки языкового моделирования

Финский язык в Карелии имеет давнюю традицию, и возможности его использования в сравнении с карельским языком были многократно шире уже даже потому, что он не нуждался в создании литературной формы. Политическим руководством страны перед лингвистами в соответствии с требованиями времени ставились конкретные цели: с одной стороны, предупредить расширение влияния финских эмигрантов, ввести в употребление, преимущественно путем заимствования из русского языка, лексику, соответствующую возникающим советским реалиям и отличающуюся от неологизмов буржуазной Финляндии, с другой стороны, сохранить язык понятным для финского пролетариата, поскольку реализация идеи мировой революции оказалась бы невозможной без общего языка.

*В первой части статьи рассматриваются основные этапы в развитии финского языка в Карелии в 20–30-е годы. Во второй части внимание уделяется деятельности Терминологической комиссии по финскому языку Карельского научно-исследовательского института, занимавшейся разработкой и внедрением лексики для обозначения новых явлений политической, социальной и культурной жизни республики. Некоторые результаты работы комиссии были опубликованы в газете «*Runainen Karjala*» незадолго до того, как ее деятельность была прекращена.*

Но ведь не насильно же заставить целый народ вместо *галоши* говорить *мокроступы*, если он этого не хочет!

В. Г. Белинский (1841)

I. Ситуация с финским языком в Карелии в истории языковой политики СССР уникальна уже лишь потому, что из всех языков, используемых в качестве государственных за пределами Советского Союза, только в Карелии финский язык имел статус официального языка республики, и это несмотря на то, что в СССР имелись гораздо более многочисленные, чем финны, этнические группы (немцы, гре-

ки, поляки, корейцы)¹, язык которых никогда не рассматривался в качестве претендента на такое высокое положение.

В начале XX в. национальная карта Карелии была довольно пестрой. В течение очень непродолжительного времени соотношение групп населения, представляющих разные национальности, сравнительно быстро менялось: как в сторону прироста, так и в сторону убывания. Так, на момент создания Карельской Трудовой Коммуны в 1920 г. карелы составляли 66 % населения республики, соответственно, оставшиеся 34 % приходились на русских, финнов, ингерманландцев, вепсов и другие этносы². Доля карел, финнов и русских в общей численности населения колебалась в начале века как вследствие административно-политических преобразований (к примеру, расширение границ территории Карелии в 1922–1924 гг. и приобретение таким образом экономического преимущества за счет присоединения русскоязычных территорий, платой за которые стало сведение к меньшинству доли национального населения³), так и в силу социально-экономических изменений (вербовка финнов из Северной Америки, Финляндии и Ингерманландии на работу в Карелию, кризис НЭПа 1927–1928 гг., переход к форсированной индустриализации, общеевропейский экономический кризис). Абсолютное число финнов прирастало заметно: по данным И. Р. Такала, к середине 1930-х гг. их численность составила почти 15 тыс. чел., т. е. около половины численности русской диаспоры, при этом две трети из них были выходцами из Финляндии⁴. И эта часть населения занимала все более верхние строчки в статистических таблицах, отражающих этноязыковую ситуацию в Карелии. В 1923 г. в Карелии проживал 1051 финн, из них в Петрозаводске – 548 чел., в 1926 г. их число возросло до 2894⁵. В общей сложности с 1920 по 1933 г. доля финнов в республике увеличилась с 0,6 до 3,2 %, т. е. от 900 до 12 100 чел. при общей численности населения 142 950 и 372 500 чел. в 1920 и 1933 гг. соответственно⁶. Массовая трудовая

---

¹ Austin P. M. Soviet Finnish: The End of a Dream // East European quarterly. 1987. N 2. P. 183.

² Raunio M.-L. Soutamalla ja huopaamalla päämäärään. Itä-Karjalan kansallisen kulttuurin ja kielen vaihteita // Joka puulla juurensa. Helsinki, 1991. S. 122.

³ Барон Н. Региональное конструирование Карельской автономии // Ab imperio. Казань, 2002. № 2. С. 306.

⁴ Такала И. Р. Национальные операции ОГПУ/НКВД в Карелии // В семье единой: Национальная политика партии большевиков и ее осуществление на Северо-Западе России в 1920–1950-е годы. Петрозаводск, 1998. С. 170.

⁵ Austin P. M. Op. cit. P. 188.

⁶ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. История карельского народа. Петрозаводск, 1998. С. 268. См. также таблицы, составленные на основе Всесоюзной переписи населения 1926 г. М., 1928. Т. I, Переписи населения АКССР 1933 г. Вып. 1. Петрозаводск, 1934; архивных данных в кн.: Такала И. Р. Финны в Карелии и в России: история возникновения и гибели диаспоры. СПб., 2002. С. 25, 30, 134–135; Афанасьева А. И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940. Петрозаводск, 1989. С. 44.

иммиграция неминуемо вызывала уменьшение удельного веса коренного карельского населения. В 1928–1929 гг. в республику прибыло 25 тыс. сезонных рабочих, в 1929–1930 гг. — более 60 тыс. чел.¹

Во второй половине 20-х гг. условия для развития и массового внедрения финского языка складывались, на первый взгляд, достаточно благоприятно. «Масштабная работа по языковому строительству была частью общей национально-культурной политики в стране»². Развернутая в это время «коренизация» предусматривала использование национальных языков для осуществления местного самоуправления, в результате чего началось введение финского языка, который должен был стать объединяющим элементом для всех карел. Тем более, эмигранты-коммунисты, составившие ядро руководства Карелии, разделяли точку зрения на карельский язык, согласно которой все карельские диалекты считались частью финского языка³. В 1921–1924 гг. благодаря активному и широкому обсуждению на партийных конференциях, всекарельских съездах, съездах были определены основные принципы языкового строительства в Карелии: в республике были официально введены «два литературных языка – русский и финский при условии добровольности выбора одного из них карельским населением». Однако в условиях предоставленной свободы карельское население в большинстве случаев отдавало предпочтение русскому языку⁴.

В опубликованной в 1926 г. Конституции АКССР в главе о государственных языках, которыми провозглашались русский и «карело-финский», отсутствовало упоминание о добровольности выбора языка в карельской среде⁵. В 1929 г. руководством Карелии было принято решение об обязательном введении финского языка в качестве языка просвещения и образования для карел⁶. На финском языке велось делопроизводство, издавались законы, печатались газеты и журналы (в разные годы с 1918 по 1937 г. выходило 29 наименований разных

---

¹ *Афанасьева А. И.* Создание советской национальной автономии и некоторые вопросы языкового строительства в Карелии (1920–1940 гг.) // Вопросы истории Европейского Севера (История Великого Октября на Северо-Западе России). Петрозаводск, 1987. С. 53.

² *Алпатов В. М.* 150 языков и политика. 1917–2000. Социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. С. 48.

³ *Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х.* Указ. соч. С. 272. *Анттикоски Э.* «Языковое строительство» на Северо-Западе России (20–40-е годы) // *Modernisation in the Russian Provinces. Studia Slavica Finlandensia.* Tomus XVII. Helsinki, 2000. С. 117.

⁴ *Афанасьева А. И.* Создание советской национальной автономии... С. 52–53.

⁵ *Левкоев А. А.* Национально-языковая политика финского руководства Советской Карелии (1920–1935). Петрозаводск, 1992. С. 10.

⁶ *Афанасьева А. И.* Создание советской национальной автономии... С. 56–57.

финских, газет, журналов и т. п.¹⁾, работали собственное финноязычное издательство и Национальный театр, осуществлялось преподавание в школе (к 1932 г. практически все карельские дети были охвачены начальным образованием на финском языке, а в конце 1930-х гг. более 85 % детей в возрасте девяти лет были грамотными²⁾). Общая грамотность населения Карелии в возрасте 9–49 лет с 31,3 % в 1897 г. выросла до 71,4 % в 1926 г., в том числе грамотность карел увеличилась с 10,4 до 36,9 %³⁾, что свидетельствует в целом о верном направлении в решении языкового вопроса на первом этапе осуществления национальной политики, когда было необходимо в короткие сроки обеспечить культурное развитие населения Карелии. Однако повсеместное внедрение финского языка все же выглядело несколько насильственным, так как для южнокарельского населения, тем более для вепсского, финский язык был малопонятен, и использование русского языка было для него более естественным, поскольку русский язык имел безусловное преимущество перед прочими языками как с точки зрения продолжения образования, так и с точки зрения дальнейшей интеграции на рынке труда в большом советском обществе, где основным языком и языком межнационального общения был, безусловно, русский. При этом носители финского языка оказались в Карелии в лингвистической изоляции, поскольку связи с Финляндией, все больше утрачивавшей доверие центральной власти СССР, сходили на нет.

В результате отношение к финскому языку в качестве официального языка республики довольно быстро менялось. В 1930 г. АН СССР в лице сотрудников Института языка и мышления (ИЯМ) В. Б. Аптекаря и С. Н. Быковского обвинила политическое руководство Карелии в осуществлении финнизации и извращении принципов национальной политики⁴⁾. Сталинское руководство все больше опасалось предполагаемого сопротивления контролю центра, который постепенно начинает «определять себя в категориях русской националистической географии с имперскими наклонностями, что особенно проявлялось в противопоставлении „буржуазному“

---

¹ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. Указ. соч. С. 272. Подробнее см.: Алто Э. Л. Советские финноязычные журналы. 1920–1980. Петрозаводск, 1989.

² Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. Указ. соч. С. 272.

³ Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии... С. 53.

⁴ Аптекарь В. Б., Быковский С. Н. Современное положение на лингвистическом фронте и очередные задачи марксистов языковедов. Известия государственной академии истории материальной культуры. 1931. Т. X, вып. 8–9. С. 16–17. Цит. по: Anttikoski E. Neuvostoliiton kielipolitiikka ja Karjalan kirjakielen suunnittelu 1930-luvulla. Opinnäyte. Joensuu, 1998. Luku 7.1. S. 1 (доступно в Интернете: <http://www.geocities.com/Athens/4280/lisuri7.html>).

национализму народов, оказавшихся по обе стороны государственной границы»¹. Так постепенно вызревает идея выведения на первый план карельского языка.

Первая половина 1930-х гг. стала пиком языкового строительства². Среди прочих была предпринята и попытка создания литературного карельского языка. Под руководством профессора Д. В. Бубриха был разработан проект карельской письменности на основе латинского алфавита для карел Тверского округа Московской области. За основу были взяты карельские тверские говоры, которые в сравнении с языковой ситуацией в Карелии, были относительно едины. К сожалению, созданный вариант литературного карельского языка развития не получил, и на этом процесс «карелизации» в Московской области постепенно затух. Руководство Карельской АССР было вынуждено следовать предложенной стратегии, но ему удалось на некоторое время отложить введение карельской письменности в Карелии. На этом этапе концепция так называемого «карело-финского» языка, суть которой заключалась в обогащении финского языка карельскими элементами, переживает очередной всплеск, но вскоре и этот вариант решения языкового вопроса был признан неудачным.

Руководству республики удалось несколько отсрочить введение в Карелии карельского языка в качестве официального, несмотря на серьезное обсуждение с обвинениями в задержке развития народного карельского языка, осуществлении в Карелии искусственной финнизации, в проведении общей с заграничной буржуазией политики создания «Великой Финляндии». Правительству Карельской АССР было рекомендовано приступить к созданию карельского литературного языка с учетом опыта подобного введения для тверских карел, о чем шла речь на заседании Президиума Совета Национальностей 25 апреля 1931 г.³ Менять политическую линию в языковом вопросе было необходимо, поэтому возникает идея «карелизации» финского языка через искусственное введение в него карельских элементов. На совещании Карельского обкома ВКП(б) нарком просвещения Карелии И. П. Гришкин при обсуждении опыта введения карельского языка в Тверской области поддержал Г. Ровио в том, что бесконтрольное заимствование русских слов приведет вновь созданный карельский язык в тупик, поскольку при таком развитии он звучит как исковер-

---

¹ Барон Н. Указ. соч. С. 307.

² Алтатов В. М. 150 языков и политика. С. 74.

³ Стенограмма заседания Президиума Совета Национальностей ЦИК Союза ССР // Ab imperio. Казань, 2002. № 2. С. 361—413.

канный русский язык, что не может не вызывать комического эффекта. И. П. Гришкин предлагал проводить начальное обучение на карельских диалектах, а впоследствии начать издавать и литературу на диалектах. При этом язык этих изданий он предлагал максимально приблизить к финскому языку, заменяя русские слова, использующиеся в карельских диалектах, на понятные карелам финские. Наряду с этим «карельским процессом» должна была идти работа и по усовершенствованию финского языка. Пролетарский финский язык должен был «отмежеваться» от «буржуазного» языка Финляндии. Его следовало развивать таким образом, чтобы в нем нашли отражение все достижения революции и советской культуры, а также сблизить его лексику с карельской. Подобные языковые трансформации должны привести к возникновению карело-финского языка, который на следующей ступени культурного развития станет финским литературным языком, обогащенным революционной терминологией и карельской лексикой¹. Только что созданному Карельскому научно-исследовательскому институту вменялось в обязанности проведение планомерного и систематического исследования финского литературного языка и его социалистическое развитие, введение определенных терминов, создание новых слов, заимствование новых слов в соответствии со структурой и законами финского языка².

После прихода к власти в Германии в январе 1933 г. Гитлера Финляндия в глазах центральной советской власти встала в один ряд с фашистскими государствами. Карельское национальное руководство, «стребившееся к созданию в Карелии плацдарма для будущей финской революции» и до сих пор пользовавшееся сначала большей, затем меньшей поддержкой центральной власти, в 1935 г. было отстранено от руководства республикой, а позднее и уничтожено (Э. Гюллинг погиб в июне 1938 г., Г. Ровио – в апреле 1938 г.³), финский язык объявлен «вражеским», культурная среда очищена от финского влияния. Финский язык в этот период отождествляется исключительно с бело-финским фашистским правительством Финляндии, само слово «финский» используется исключительно в негативном значении⁴. Началось распространение так называемой «диалектной письменности». В основном она развивалась на ливвиковском наречии с введением отдельных элементов финской орфографии,

---

¹ Национальный архив Республики Карелия, ф. 3, оп. 2, д. 558, л. 2–30.

² Punainen Karjala. 1931. 8 декабря. S. 2.

³ Кирккунен Х., Невалайнен П., Сихво Х. Указ. соч. С. 256.

⁴ Austin P. M. Op. cit. P. 193.

финских и русских лексических заимствований и синтаксических конструкций¹. С января 1938 г. в Карелии запрещается использование финского языка в образовательной, просветительской и издательской деятельности². После 1938 г. оставшиеся в живых старались скрыть свое финское происхождение, вплоть до изменения национальности, и максимально растворялись в национально-языковом большинстве. На этом в истории Карелии завершается эпоха «красных финнов», а с ней и первый этап функционирования финского языка в СССР.

Решение о смене финского языка карельским в конце 1930-х гг. создало серьезную проблему на всех уровнях. Финский язык, имевший давнюю литературную традицию, хоть и был чужим для карел, но все же был им понятен и справлялся с возложенной на него функцией официального языка. Теперь же, когда его место предстояло занять карельскому языку, обслуживавшему только бытовую сферу карелоязычного населения, сразу же встал вопрос о создании литературной формы карельского языка. Перед лингвистами встала практически нереальная задача, поскольку три наречия, разобщенные еще к тому же и территориально, невозможно было искусственно объединить в рамках одного литературного языка. Трудно отказать Г. Ровио в справедливости его утверждения, что «создание литературного языка потребует громадных научных и пр. трудов и усилий, не говоря о средствах (особенно это актуально для только формирующейся экономики республики. – А. Б.). Притом процесс создания языка – процесс длительный, требующий времени, чтобы его внедрять постепенно в массу населения, обогащать, изменять в самом процессе его внедрения и в процессе развития экономически-культурной и общественной жизни края, который этот язык призван обслуживать»³.

Государственным языком Карельской АССР карельский язык официально стал в 1937 г., когда использование финского языка практически прекратилось из-за массовых гонений и репрессий в отношении финской эмиграции, достигших к этому моменту своего пика. Безусловно, принять решение о создании единого литературного языка для всех карел гораздо проще, чем непосредственно создать та-

---

¹ Анттикоски Э. Проблема карельского литературного языка в 1930-е и 1990-е годы // www.geocities.com/Athens/4280/rus_doklad.html.

² Клементьев Е. И. Финны в зеркале переписи 1989 года // Карелы. Финны: Проблемы этнической истории. М., 1992. С. 116.

³ Ровио Г. Проблема языка в национальной политике АКССР // Карело-Мурманский край. 1931. № 1–2. С. 18.

кой язык, и вопрос о реалистичности поставленной задачи вряд ли обсуждался со специалистами. Несмотря на то что «языковое строительство – прежде всего социологическая задача, а роль лингвистов хоть и важна, но она скорее техническая», им приходилось без всякой помощи социологов, которых попросту не существовало, и часто при некомпетентном вмешательстве властей «решать выходявшие за пределы лингвистики проблемы, действуя методом проб и ошибок»¹. В таких условиях началась работа над новым литературным языком. Для него, вновь под руководством профессора Д. В. Бубриха, была создана орфография, уже на кириллической основе (что можно расценивать и как «чисто политическое мероприятие», дополнительный способ маскировки реальных интересов, лежащих вне лингвистики, хотя в пользу этого приводились и лингвистические аргументы, например, что в кириллице 33 буквы, а в латинице лишь 26²), и разработана грамматика, опирающаяся в целом на южные и тверские говоры собственно-карельского наречия с отдельными чертами ливвиковского наречия. Целый ряд вновь вводимых норм шел вразрез с привычными языковыми традициями большинства диалектов, что не могло не вызвать недовольства у носителей языка, которым предстояло переучиваться собственному языку из-за введения этих новшеств. Следует отметить, что вплоть до осени 1937 г. вопрос о нормировании карельского языка вообще не стоял. Орфография всех опубликованных текстов на карельском языке была исключительно на совести самих авторов, пытавшихся по мере сил, зачастую очень произвольно, подверстать свой диалект под морфологические и синтаксические нормы финского языка³. С осени 1937 г. в советской Карелии начинается поэтапное введение карельской письменности, «которая вытеснила финский из общественной жизни, школ и печати»⁴. По данным А. И. Афанасьевой, в 1936–1937 гг. языком обучения в школах в большинстве национальных районов республики становится русский (карельский при этом используется в качестве вспомогательного), однако в северо-западных районах Карелии обучение все еще ведется на финском языке⁵. Э. Анттикоски же пишет о том, что финский язык перестал использоваться в школах Средней и Южной Карелии несколько позже – лишь с осени 1937 г.⁶

---

¹ Алпатов В. М. 150 языков и политика. С. 79.

² Там же. С. 61–62, 90.

³ Anttikoski E. Op. cit. Luku 7.3. S. 4.

⁴ Киркинен Х., Невалайнен П., Сихво Х. Указ. соч. С. 257.

⁵ Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии... С. 53.

⁶ Anttikoski E. Op. cit. Luku 7.3. S. 3.

В Конституции Карелии, принятой в 1937 г., за карельским языком был закреплен статус официального языка республики¹. Вместе с тем из языка изымаются финские заимствования, а также исключается «как неблагонадежная» исконно карельская лексика, являющаяся общей в карельском и финском языке. Этот процесс был обусловлен марровской идеей о классовом характере языка и создании в будущем интернационального языка, который должен возникнуть в результате смешения всех языков². В результате официальный карельский язык для карел стал малопонятным. Такой карельский язык, на который в 1937 г. успели перевести даже Конституцию, производит довольно комическое впечатление. Смесь русской лексики и карельской грамматики больше понятна носителю русского языка, нежели карелу, тем более финну: *Karjalan Avtonomoin Sovetskoin Sotsialistiitseskoin Respublikan Konstitutsia (Osnovnoi zakona). ... Respublikka on rabootshoilojen i krestjuanojen sotsialistiitsheskoj gosudarstva*³.

Через год, осенью 1938 г., начинается очередной этап моделирования литературного карельского языка, и к весне 1939 г. разрабатываются новые правила, уже на основе ливвиковского наречия. Пополнение словарного запаса предполагается проводить за счет русских заимствований.

После войны с Финляндией в апреле 1940 г. официальным языком вновь созданной Карело-Финской ССР снова становится финский. Обоснованием такого решения служил политический тезис о том, что «финский язык станет основой межнационального сотрудничества в деле упрочения социализма», и использованное вновь утверждение прежнего, уже уничтоженного, руководства республики, что этот «высокоразвитый литературный язык, легко понятный карельскому населению, должен стать главным средством подъема национальной по форме, социалистической по содержанию культуры, роста науки, литературы и искусства и создания кадров интеллигенции»⁴. Тем более что дальнейшие колебания и «эксперименты с введением единого литературного карельского языка могли бы лишь задержать культур-

---

¹ Прибалтийско-финские народы России / Отв. ред. Е. И. Клементьев, Н. В. Шлыгина. М., 2003. С. 201.

² Н. Я. Марру, в конце 1920-х гг. объявившему свое учение «марксизмом в языкознании», удалось добиться поддержки партийно-государственного аппарата и установить практически монопольное господство в советском языкознании вплоть до 1950 г. См.: *Анатов В. М.* История лингвистических учений. М., 1998. С. 228–229; *Он же.* 150 языков и политика. С. 56–58.

³ *Austin P. M.* Op. cit. P. 193–194.

⁴ Прибалтийско-финские народы России. С. 535.

ное развитие карельского населения»¹. Так в Карелии начинается второй этап функционирования финского языка. В этот период новых споров о создании карельского литературного языка или об особом развитии финского языка уже не возникало, поэтому с точки зрения принципов языкового моделирования этот этап истории финского языка в Карелии уже не так интересен, как 1920–1930-е гг.

II. В окружении русскоговорящего населения, многократно превосходившего по численности финноязычное, финский язык не мог не испытать сильнейшего влияния со стороны языкового большинства. В начале XX в. под воздействием русского языка, лексика которого в связи с масштабными изменениями общественно-политической и культурной жизни страны и появлением новых понятий значительно пополнилась новыми словами, в основном советизмами², в финский язык хлынул поток новых слов, что создало целый ряд проблем чисто лингвистического характера, касающихся, в основном, источников, направления и принципов пополнения лексического запаса. Для создания терминологии имеется четыре основных пути: заимствование из языков традиционной культуры, из русского языка, внедрение интернационализмов и использование собственных ресурсов³. На страницах финноязычных советских газет и журналов развернулось бурное обсуждение этого вопроса, зачастую с взаимными обвинениями и упреками авторов в ошибочном понимании развития финского литературного языка в Карелии, с одной стороны, в великорусском шовинизме⁴, с другой стороны, в финском буржуазном национализме⁵, ориентации на «фашистскую Финляндию»⁶. Авторы публикаций в основном склоняются к трем возможностям развития финского литературного языка. Одни полагают, что для обозначения новых явлений, возникающих в результате социалистического строительства, следует использовать лексические заимствования из русского (*kolhoosi, sovhoosi, kollektivisti*)⁷, а также предлагают активнее привлекать лексику карельских диалектов⁸. Другие утверждают, что язык

---

¹ Афанасьева А. И. Создание советской национальной автономии... С. 66.

² Русский язык. Энциклопедия / Гл. ред. Ю. Н. Караулов. М., 1997. С. 156.

³ Аллатов В. М. 150 языков и политика. С. 76.

⁴ Helo L. Voiko suomenkieli olla vallankumouksellista // Rintama. 1932. N 17. S. 15–16.

⁵ Vilmi O. Edelläolevan kirjoituksen johdosta // Punainen Karjala. 1932. 6 ноября. S. 2.

⁶ I. N. Siitä, miten terminologinen komissi jarrutti suomenkielen rikastuttamista // Punainen Karjala. 1937. 11 ноября. S. 3.

⁷ A. T. Kieltämme rikastuttamaan // Punainen Karjala. 1931. 14 декабря. S. 2.

⁸ Salo V. Suomenkielisen terminologian nykyyhetken kysymyksiä // Punainen Karjala. 1932. 11 мая. S. 4.

следует развивать не так, как это делается в капиталистической Финляндии, где «буржуазия использует язык в своих интересах», а языковая политика носит профашистский характер¹. Финский язык следует обогащать интернациональными словами, что будет способствовать его сближению с другими языками, а «в использовании терминологии стремиться к четкости и революционной последовательности»². Третьи высказывали опасения, что неразумное заимствование может привести к чрезмерной русификации финского языка, который окажется совершенно непонятным финноязычному рабочему классу Финляндии, Швеции и Америки³. Некритичное отношение к использованию иноязычной лексики уродует финский язык, включение в лексический корпус литературного языка слов, вошедших в активное словоупотребление карел и ингерманландцев, превращает его в малопривлекательный русско-финский микс⁴. Такая точка зрения характерна для финских иммигрантов, в том числе и для политического руководства Карелии. Все они оказались пуристами, строго следовавшими языковым традициям Финляндии и стремящимися к последовательному использованию собственных языковых средств даже для номинации советских реалий: *Neuvostoliitto* – Советский Союз, *vallankumous* – революция, *pikkuporvaristo* – мелкая буржуазия, *puolue* – партия⁵.

По наблюдениям Э. Анттикоски, говорить о чрезмерной интернационализации или русификации финского языка первой половины 1930-х гг. нет оснований, так как для обозначения многих вновь возникших реалий в финноязычной прессе использовались собственные языковые резервы и, несмотря на ставший несколько более активным процесс калькирования, лексические заимствования встречались в текстах довольно редко⁶. При этом общая картина в стране была такова, что русские заимствования в языках народов СССР составляли в среднем 70–80 % новых терминов⁷. Сильные изменения социально-экономической и общественной жизни требовали новых наименований. Процесс введения в обиход новых слов ускорился благодаря развитию международной терминологии. Это особенно важно, когда

---

¹ *Hämäläinen M.* Suomen kirjakielen vallankumouksen henkeä // Punainen Karjala. 1932. 12 апреля. S. 3.

² *Salo V.* Op. cit. S. 4.

³ *Rautio H.* Suomenkielen runtelijoita vastaan! / Vast. toim. E. Parras. Petroskoi, 1932. S. 59–61; *P. N.* Huomio kirjakielemme // Kirja. 1932. N 1. S. 18–20.

⁴ *Helö L.* Op. cit. S. 16.

⁵ *Austin P. M.* Op. cit. P. 189.

⁶ *Anttikoski E.* Op. cit. Luku 7.2. S. 12.

⁷ *Алланов В. М.* 150 языков и политика. С. 92.

носители разных языков живут бок о бок на одной территории в одних и тех же условиях.

Финские исследователи Э. Анттикоски и М. Юликангас¹, рассуждая о постепенном оттеснении финского языка с первых позиций в 1935–1937 гг. под нажимом центральных властей, незадолго до введения в качестве официального карельского языка, упоминают о деятельности Терминологической комиссии по финскому языку при Карельском Научно-исследовательском институте как об одном из важных событий в истории функционирования финского языка в Карелии. В газете «Punainen Karjala» («Красная Карелия») 11 марта 1936 г. появилась небольшая заметка «Karjalan Tieteellisen Tutkimusinstituutin terminologiselta komissilta» («От терминологической комиссии Карельского Научно-исследовательского Института»), в которой сообщалось о ее создании и целях деятельности, а именно «...для закрепления в финском языке новых слов и терминов, возникших в процессе социалистического строительства в СССР и революционного движения международного пролетариата, и для унификации уже имеющейся терминологии, использование которой было непоследовательным, а также для введения в финский язык слов карельского языка». Для успешной работы комиссии широкой советской общественности предлагалось «активно вносить предложения по введению в финский язык отдельных слов, обращать внимание комиссии на неудачные или даже ошибочные переводы слов и предложений и обращаться в комиссию с вопросами терминологического характера»². Сообщалось также, что терминологическая комиссия намерена ежемесячно публиковать информационные сообщения. Ниже прилагался список из 40 слов, представляющих собой пары лексем, состоящие из русских интернационализмов и советизмов и их финских эквивалентов. Несмотря на обещание Терминологической комиссии, следующее информационное сообщение вышло впоследствии еще только один раз — 4 июня 1936 г.³, хотя в соответствии с планом работы только до конца года должно было быть опубликовано четыре таких сообщения⁴. Во втором сообщении содержалось 32 слова и выражения.

---

¹ Anttikoski E. Op. cit.; Ylikangas M. Rivit suoriksi! Kaunokirjallisuuden poliittinen valvonta Neuvosto-Karjalassa 1917–1940. Helsinki, 2004.

² Karjalan tieteellisen Tutkimusinstituutin Terminologisen komissin tiedotus № 1 // Punainen Karjala. 1936. 11 марта. С. 4.

³ Karjalan tieteellisen Tutkimusinstituutin Terminologisen komissin tiedotus № 2 // Punainen Karjala. 1936. 4 июня. С. 4.

⁴ Научный архив Карельского НЦ РАН (далее — НА КарНЦ РАН), ф. 1, оп. 3, д. 182, л. 36–37.

В первом информационном сообщении терминологическая комиссия предупреждала читателей, что предлагаемые финские слова лишь рекомендуются к употреблению¹. Такой рекомендательный характер словоупотребления привел, по мнению скрытого за инициалами I. N. автора статьи о негативном влиянии деятельности терминологической комиссии на обогащение финского языка, к тому, что слова не только не закреплялись в языке, но вызывали еще большую путаницу и непоследовательность в использовании терминологии². Во многих случаях для русских слов предлагалось как собственное финское слово, так и русское заимствование: *deno* – *depo*, *varikko*, *индустриализация* – *industrialisointi*, *teollistuttaminen*, *нация* – *naisio*, *kansakunta*, *план* – *plaani*, *suunnitelma*, *район* – *rajoni*, *piiri*, *революция* – *revolutsio*, *vallankumous*, *резолюция* – *resolutsio*, *päätöslauselma*, *совет* – *sovetti*, *neuvosto*, *советская власть* – *sovettivalta*, *nauvostovalta*, *темн* – *tempno*, *vauhti*, *ударник* – *udarnikka*, *iskuri*, *агентство* – *toimisto*, *edustus*, *журнал* – *zhurnaali*, *aikakausjulkaisu*, *aikakauslehti*, *привилегия* – *privilegio*, *etuokeus*, *принцип* – *prinsiippi*, *periaate*. Иногда количество финских эквивалентов доходило до трех-четырех: *сельсовет* – *selsovetti*, *kyläsovetti*, *kyläneuvosto*, *база* – *pohja*, *perustus*, *baasa*, *baasis*, *приказ* – *prikaasi*, *päiväkäs्य*, *määräys*, *käs्य*.

Среди лексических заимствований сразу бросается в глаза их слабая фонетическая освоенность. В словах *zhurnaali*, *depo*, *privilegio*, *batrakkii*, *deputaatti*, *agentuuri* сохраняются звонкие согласные. Лишь на месте русского *з* регулярно появляется *s*: *baasa*, *resolutsio*, *industrialisointi*, *patriotismi*, *natsionalismi*, *shovinismi*.

В ряде случаев при заимствовании из русского языка лексемы подвергались частичному словообразовательному калькированию, т. е. полукалькированию: *ударничество* – *udarnikkuus* (-*uus* – продуктивный собственно финский суффикс абстрактных существительных с общей семантикой ‘свойство’), *индустриализация* – *industrialisointi*, *комплектование* – *komplektointi* (-*ointi* – суффикс отглагольных существительных). Иногда интернационализмы, т. е. слова, «совпадающие по своей внешней форме, с учетом закономерных соответствий звуков и графических единиц в конкретных языках, с полно или частично совпадающим смыслом, выражающим понятия международного характера из области науки и техники, политики, культуры, искусства и функционирующим в разных, прежде всего неродственных (не ме-

---

¹ Karjalan tieteellisen Tutkimusinstituutin Terminologisen komissin tiedotus № 1 // Punainen Karjala. 1936. 11 марта. S. 4.

² I. N. Op. cit. S. 3.

нее чем в трех) языках»¹, не претерпевали серьезной морфологической трансформации, а лишь подвергались минимальной ассимиляции: *демонстрация* – *demonstratsio*, *капитуляция* – *kapitulatsio* (наряду с указанным предлагался и другой словообразовательный вариант – *kapitulointi*), *нация* – *natsio*, *революция* – *revolutsio*. Такой путь освоения заимствований имел к моменту нового всплеска применения в начале XX в. уже давнюю историю в языке: латинские и греческие заимствования начали входить в лексикон еще на этапе формирования финского литературного языка (*akvaario*, *depressio*, *eroosio*, *evoluutio*, *konservatorio* и т. п.). Морфологически эта довольно продуктивная модель накладывается еще и на производные слова, использовавшиеся ранее в диалектах и вошедшие в литературный язык в XIX в. (*kuvio*, *kansio*, *häiriö*, *hirviö* и т. п.)².

Русские слова, заканчивающиеся на согласную, все-таки в подавляющем большинстве случаев подвергались при заимствовании некоторой морфологической адаптации: к последней согласной (*k*, *p* и *t* при этом геминировались) добавлялась гласная *i*, что заметно облегчало склонение новых слов: *sovetti*, *kulakki*, *kolhoosi*, *bolshevismi*, *prikaasi*, *plaani*, *deputaatti*, *rajoni*, *rekordi* и т. п. Этот способ, самый продуктивный и давно используемый в финском языке при освоении заимствований³, в полной мере позволял таким словам беспрепятственно встраиваться в морфологическую систему наряду с уже давно вошедшими в язык лексемами иноязычного происхождения, в основном латинского и греческого происхождения, например, оканчивающимися на *-isti*, со значением представителя конкретной профессии или носителя определенной идеологии, такими как *pianisti*, *statisti*, *fasisti*, *natsionalisti*, *optimisti*, *pessimisti*, *kommunisti*, и лексемами на *-ismi*, обозначающими сферу деятельности человека, идеологическое направление или мировоззрение: *fasismi*, *nationalismi*, *optimismi*, *pessimismi*, *kommunismi*⁴. В этом ряду находятся как ранние заимствования, которые уже даже не воспринимаются как иноязычные (*tuoli* ‘стул’, *lasi* ‘стекло’, *kaali* ‘капуста’, *naapurit* ‘соседи’), так и более молодые и даже совсем новые (*brändi* ‘бренд’, *keissi* ‘кейс’, *netti* ‘интернет’).

---

¹ Языкознание. Большой энциклопедический словарь / Гл. ред. В. Н. Ярцева. М., 1998. С. 197.

² Iso suomen kielioppi / Päätoim. A. Hakulinen. 3. painos. Suomalaisen Kirjallisuuden Seuran toimituksia 950. Helsinki, 2005. S. 187.

³ Iso suomen kielioppi. S. 176.

⁴ Lepämaa A.-L., Lieko A., Silfverberg L. Miten sanoja johdetaan. Suomen kielen johtopöytä. Helsinki, 1996. S. 78.

Однако в газетах 1930-х гг. обнаружился целый ряд слов, которые по некоторым параметрам невозможно встроить в известные словообразовательные модели. Среди них несколько слов, обозначающих человека по роду занятий или характеру деятельности: *kolhosnikka*, *udarnikka*, *otlitsnikka*. Несмотря на общий формант *-kka*, оформляющий многие неличные существительные (*etikka* ‘уксус’, *kapakka* ‘кабак’, *lusikka* ‘ложка’, *piirakka* ‘пирог’, *silakka* ‘салака’, *urakka* ‘сдельная работа’, *almanakka* ‘календарь’, *klinikka* ‘клиника’¹), *kolhosnikka*, *udarnikka* и *otlitsnikka* семантически совсем не соотносятся с приведенным в скобках рядом слов. Довольно странно выглядит и слово *utshastika* ‘избирательный участок’ из-за комбинации трех разных по месту и способу образования согласных *stk*, что вообще не характерно для фонетической системы финского языка². Это говорит о том, что при создании газетных текстов переводчики и редакторы в силу ограниченных сроков на подготовку материалов при отсутствии четких рекомендаций в отношении формирования языковых норм были вынуждены прибегать к прямым заимствованиям, поскольку большинство национального населения было двуязычным, и этот способ пополнения лексического запаса был в таких условиях самым простым.

В финноязычной прессе в большом количестве печатались переводы русских газет. Наиболее интенсивным этот процесс становится в 1934 г., а к 1936 г. положение еще больше усугубляется. К примеру, объем переводных материалов в журнале «*Rintama*» в 1936 г. превосходил объем оригинальных (т. е. на финском и карельском языках) в три раза³. Любая газета должна оперативно реагировать на события, поэтому перевод выполнялся в сжатые сроки. Нехватка времени и квалификации, а также жесткий цензурный надзор заставляли переводчиков и редакторов заимствовать, кроме внушительного объема лексики, еще и синтаксис⁴, превращая текст на финском в языке в банальный подстрочник. Примером «цензурной бдительности», доходящей порой до абсурда, может служить письмо секретаря Карокружка И. Белякова от 11.03.1938 г. секретарю Каробкома ВКП(б) Смирнову, где адресант сообщал о прямо контрреволюционных формулировках в сигнальном экземпляре журнала «Карелия» № 1–2: «В речи товарища Сталина, строки 7–10, где употребляется термин *ил-*

---

¹ Iso suomen kielioppi. S. 176–177.

² Исключение составляют комбинации согласных (кластеры), одна из которых гемината, обозначаемая на письме двойной буквой, другая, как правило, — сонорная (*harppi*, *voltti*, *punkki*).

³ *Анто Э. Л.* Указ. соч. С. 80.

⁴ *Anttikoski E.* Op. cit. Luku 7.2. S. 10.

ман, подразумевающее (по-вашему) русские слова *без, нет*, можно было заменить термином *эй оле* или просто *эй*. <...> Понятие фразы *мейен фабрикойсса и заводойсса руатах илман капиталистоя* по-нашему такое: *на наших фабриках и заводах работают мировые капиталисты*. Прошу это учесть и видимо ускорить работу по рассмотрению терминологии¹. Такое толкование приведенной фразы выглядит более чем натянутым, поскольку здесь цензор принял за подрывную работу обычное языковое явление. Слово *илман* в отрыве от контекста может быть воспринято как предлог со значением ‘*без (кого-л., чего-л.)*’, а также как генитивная форма существительного *илма* ‘сторона, край, мир’. Однако в обсуждаемом случае контекст настолько однозначен, что данная грамматическая омонимия, т. е. омоформия, не может быть интерпретирована читателем иначе, как в значении ‘*без (кого-л., чего-л.)*’.

Не менее абсурдным выглядит привлечение к ответственности целого ряда сотрудников газеты «Вапаус» за «контрреволюционное извращение» приказа наркома обороны Ворошилова об увольнении из рядов РККА: вместо *морских сил* в газете было напечатано *кровавых сил*². А дело-то было всего в ошибке линотиписта, который в слове *merivoimat* вместо буквы *m* вставил букву *v* (*meri* ‘море’, *veri* ‘кровь’). Оценка подобных оплошностей находилась в самой прямой зависимости от политических установок. Безусловно, такие случаи не были единичными и зачастую имели самые плачевные последствия для «виновников».

Поскольку терминологическая комиссия была создана при научной организации, нет сомнения, что в ее состав должны были войти ведущие специалисты того времени. К сожалению, в статье не были названы их фамилии, однако по некоторым газетным публикациям ряд имен восстановить все-таки удалось. На страницах газеты «Punainen Karjala», журналов «Kirja» («Книга»), «Kevätvyöry» («Весенний поток») и «Rintama» («Фронт») в течение нескольких лет появлялись статьи о языковых проблемах, возможности их решения, а также чуть позднее, после начала репрессий в отношении финских эмигрантов, о «вредительской» деятельности терминологической комиссии.

Работа комиссии завершилась летом 1937 г. арестом ее руководителей – Павла Хюппенена, Карла Венто, Германа Лаукканена. В статье I. N. «Siitä, miten terminologinen komissi jarrutti suomenkielen

¹ Архив УФСБ России по РК, фонд уголовных дел, уг. д. П-7209, т. 1, л. 12.

² Смирнова Т. М. О цензуре советской прессы на национальных языках в Ленинграде // Цензура и доступ к информации: история и современность. СПб., 2005. С. 80.

rikastuttamista» («О том, как терминологическая комиссия тормозила процесс обогащения финского языка») сообщалось об «изобличении буржуазных националистов», ориентирующихся в решении языкового вопроса на фашистскую Финляндию. Терминологическая комиссия обвинялась в проведении двойственной националистической политики, искусственном торможении развития финского языка, неверном толковании новых советских терминов, что лишало финноязычного читателя возможности участвовать в процессе социалистического строительства¹. Но несмотря на недовольство автора статьи, нельзя не признать, что количество заимствований в сравнении с языком первой половины 1930-х гг. заметно возросло: уже ставшие привычными собственные выражения заменяются русизмами и интернационализмами: *administratsia, deputaatti, ekspeditsija, industria, konstitutsio, komsomol, litfronti, susetti, loosunki, rajoni, respublikka, roodina, selsovetti, sheema, studentti, transportti, zhurnaali* и др. При этом русский язык выполнял роль посредника при заимствовании интернациональных слов. Безусловно, этот процесс был обусловлен политическими и идеологическими факторами².

Члены Терминологической комиссии оказались в числе жертв политических репрессий. Работать в условиях, когда научные взгляды и убеждения необходимо постоянно подверстывать под непрерывно меняющиеся политические установки, безусловно, очень тяжело. Финское происхождение, высокий для того времени уровень образования и профессиональная принципиальность, вероятнее всего, лишь ускорили печальную развязку истории их жизни. Вот некоторые выдержки из архивных справок УФСБ России по РК, составленных по материалам уголовных дел:

Венто Карл Эвертович, 09.01.1897 г. р., уроженец д. Питкяярви Финляндии, финн, (...) бывший редактор газеты «Пунайнен Карьяла», был арестован 26 октября 1937 г. НКВД КАССР и обвинен в том, что являлся участником шпионско-диверсионной организации, проводил финнизацию литературы, протаскивал контрреволюционные националистические идеи в газете «Пунайнен Карьяла» (...). По постановлению Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 20 декабря 1937 г. Венто К. Э. была назначена высшая мера наказания – расстрел, которая приведена в исполнение 28 декабря 1937 г. в окрестностях г. Петрозаводска. По определению Военной коллегии Верховного суда СССР от 22 сентября 1956 г. дело на Венто К. Э. за отсутстви-

---

¹ I. N. Op. cit. S. 3.

² Anttikoski E. Op. cit. Luku 7.3. S. 7.

ем состава преступления производством прекращено. Венто К. Э. реабилитирован посмертно¹.

Хюппенен Павел Адамович, 21.04.1906 г. р., уроженец д. Тиховицы Красногвардейского района Ленинградской области, финн-ингерманландец, (...) работавший зав. отделом школ и культурпросветработы Карельского обкома ВКП(б) (...) был арестован 29 июля 1937 г. НКВД КАССР и обвинен в том, что являлся членом шпионско-повстанческой националистической организации, в школах разрешал использование завезенной из заграницы контрреволюционной литературы, проводил внедрение финского языка и финской буржуазной литературы. По постановлению Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 04 января 1938 г. Хюппенену П. А. была назначена высшая мера наказания – расстрел, которая приведена в исполнение 14 января 1938 г. в окрестностях г. Петрозаводска. По определению судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 15 декабря 1956 г. дело на Хюппенена П. А. за отсутствием состава преступления производством прекращено. Хюппенен П. А. реабилитирован посмертно².

Сало Виктор Викторович, 21.02.1892 г. р., уроженец Финляндии, финн, (...) бывший преподаватель Пед. института (...) был арестован 03 февраля 1938 г. НКВД и обвинен в том, что проводил шпионскую деятельность в пользу Финляндии, работая до 1936 г. деканом факультета языка и литературы Петрозаводского пединститута, не принимал мер по разоблачению националистического характера составленных программ на финском языке, игнорировал русский язык и русских классиков. По постановлению Комиссии НКВД и Прокурора СССР от 28 марта 1938 г. Сало В. В. была назначена высшая мера наказания – расстрел, которая приведена в исполнение 22 апреля 1938 г. По определению Военной коллегии Верховного суда СССР от 26 сентября 1956 г. (...) дело на Сало В. В. за отсутствием состава преступления производством прекращено. Сало В. В. реабилитирован посмертно³.

Хямяляйнен Матвей Михайлович, 1903 г. р., уроженец д. Лукаши Красногвардейского района Ленинградской области, финн, б/п, из крестьян, образование – высшее, окончил Ленинградский педагогический институт им. Герцена, работавший научным сотрудником Карельского научно-исследовательского института. Хямяляйнен М. М.

---

¹ Архив УФСБ России по РК, фонд уголовных дел, уг. д. арх. № П–3307.

² Там же, уг. д. арх. № П–3446.

³ Там же, уг. д. арх. № П–3324.

в 1931–1932 гг. был участником лингвистической экспедиции к вепсам Ленинградской области (цель — создание вепсской письменности), в 1936 г. был участником лингвистической экспедиции по Карелии, возглавляемой профессором Бубрихом. 07.09.1938 был арестован и обвинен в том, что являлся участником антисоветской националистической организации в Карелии, проводил вредительскую работу в области срыва создания карельского литературного языка (...) По постановлению Прокурора КАССР от 26 февраля 1940 г. дело в отношении Хямяляйна М. М. было прекращено производством на основании ст. 204, п. «б» УПК РСФСР¹.

Подобная участь постигла и многих других исследователей, работавших в смежных областях лингвистики. Особенно значительными были репрессии среди национальных кадров². В 1994 и 2002 гг. из печати вышли две монографии, одна из которых была посвящена судьбе славистов («„Дело славистов“: 30-е годы»³), другая — тюркологов («Репрессированная тюркология»⁴). На данном этапе обнаружить среди материалов Научного архива Карельского научного центра РАН, Национального архива Республики Карелия, Архива УФСБ по РК документальных свидетельств деятельности Терминологической комиссии, кроме единственного плана работы комиссии⁵ за подписью Х. Лаукканена, датированного августом 1936 г., к сожалению, не удалось. Возможно, документы (планы работы, протоколы заседаний, отчеты и др.) были изъяты во время арестов или уничтожены. Часть уголовных дел пока еще закрыта для исследователей, хотя в Архиве УФСБ по РК на К. Венто, П. Хюппенена, Г. Лаукканена, В. Сало, М. Хямяляйна, имевших непосредственное отношение к работе терминологической комиссии, что удалось установить по публикациям в республиканской прессе 1930-х гг., имеется в общей сложности десять томов уголовных дел.

Опыт языкового моделирования в СССР в 1920–1930-х гг., который можно считать попыткой прорыва в будущее, к сожалению, оказался не подкреплён реальным уровнем развития общества и характеризовался нестабильностью избранного курса и откатами назад. При этом он оказал заметное влияние на развитие национальных языков,

---

¹ Архив УФСБ России по РК, фонд уголовных дел, уг. д. арх. № П–7209.

² Алтатов В. М. 150 языков и политика. С. 88.

³ Ашин Ф. Д., Алтатов В. М. «Дело славистов»: 30-е годы / Отв. ред. Н. И. Толстой. М., 1994.

⁴ Ашин Ф. Д., Алтатов В. М., Насилов Д. М. Репрессированная тюркология. М., 2002.

⁵ НА КарНЦ РАН, ф. 1, оп. 3, д. 182, л. 36–37.

особенно если сравнить их состояние с дореволюционным¹. Серьезный анализ причин и последствий действий национально-политического руководства республики, возможно, окажет определенный терапевтический эффект на действия тех, кто определяет направление национально-языковой политики сейчас и, возможно, будет определять в будущем.

---

¹ Алтатов В. М. 150 языков и политика. С. 101, 133.